

ВЛИЯНИЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА НА ЛЕКСИКО-
-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

THE INFLUENCE OF LATIN ON LEXICAL AND SEMANTIC PROCESSES
IN THE HISTORY OF RUSSIAN: FORMULATION OF THE PROBLEM

НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВА

ABSTRACT. Latin influence in the history of Russian was not universal in character; however, it started to be regular in the 16th century, which was reflected both in the lexical system (loanwords) and in semantics (semantic modulation of words). It is important to carry out an in-depth research study on this process because it still has not been thoroughly and systematically studied. This article presents a fragment of such a study as an example.

Наталья Николаева, Казанский медицинский университет, Казань – Россия.

Определенное влияние латинского языка в истории русского литературного языка признается безоговорочно всеми исследователями в этой области. Это влияние можно ощутить в той или иной степени на каждом значимом этапе развития литературного языка начиная с эпохи становления славянской книжности вплоть до периода формирования метаязыка науки в петровскую и послепетровскую эпохи. При этом не вызывает сомнения, что „латинское” присутствие в *Slavia Orthodoxa* почти на протяжении всего Средневековья было минимальным, но на исходе этого периода, с конца XV века, значимость его неукоснительно возрастает, что связано с расширением контактов с Западной Европой, с укреплением политического и культурного веса Юго-Запада Руси (в то время основного проводника латинского языка и культуры), с изменениями в системе образования и т.п.

Нам представляется необходимым изучить латинское влияние с разных точек зрения именно в период позднего Средневековья – во-первых, как в ключевой период формирования русского литературного языка Нового времени, во-вторых, как в эпоху, отличающуюся смелостью в языковых экспериментах и открытостью в отношении

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 12-34-01322 „Богословие Иоанна Дамаскина в церковнославянской традиции и рецепции (XVI-XVIII вв.)”.

других языковых систем. Специфика изучения этой проблемы состоит в том, что в чистом виде латинское влияние в славянском мире вообще обнаружить трудно – прежде всего в связи с непереоценимой ролью греческого языка, определившего во многом феномен языка церковнославянского как понятийно, так и структурно. Даже тексты, тем или иным образом связанные с латынью (от Киевских глаголических листов до лексикографии XVII–XVIII веков), обнаруживают известную степень грецизации, отраженную в структуре слова и строении текста. В позднем Средневековье, помимо этого, латинское влияние часто неотделимо от польского элемента, выступающего в большинстве случаев межъязыковым посредником. Кроме того, присутствие латыни в славянском мире – это не просто языковое явление, это явление и общекультурного характера, поскольку каждый перевод с латыни, каждый случай присутствия латинского языка в славянской письменной традиции сопровождается явно или неявно неким фоновым компонентом, дополнительной политической, идеологической, культурной нагрузкой.

На сегодняшний день можно говорить об отсутствии какой-либо общей концепции, отражающей особенности и значение присутствия латинского языка в преднациональный период формирования русского литературного языка, хотя сам факт этого присутствия обсуждался в исследовательской литературе как в общем (А.И. Соболевский, В.В. Виноградов, Б.А. Успенский, Н.А. Мещерский и др.), так и в связи с изданием отдельных книжных памятников (В. Ягич, В.В. Нимчук, И.К. Белодед, В.В. Калугин, Л.С. Ковтун, Н.Б. Мечковская, Н. Keipert, J. Besters-Dilger и др.). При этом изучались частные вопросы перевода, вопросы языковой принадлежности того или иного памятника, некоторые языковые особенности памятников.

На наш взгляд, комплексное исследование поставленной проблемы предполагает решение следующих задач: во-первых, теоретически всесторонне осмыслить поставленную проблему и ее место в русском историческом языкознании; во-вторых, изучить двуязычные и многоязычные лексикографические источники XVI – начала XVIII вв., содержащие латинский компонент, выявить специфику их состава, проанализировать семантические и словообразовательные особенности представленных в них лексических единиц в сравнительно-сопоставительном аспекте; в-третьих, провести сравнительное изучение переводных грамматик XVI–XVII вв. как источника лингвистического сознания, выявить степень их адаптации к реальной языковой ситуации той эпохи; в-четвертых, исследовать переводные памятники XVI–XVII вв. разной жанровой принадлежности с акцентом на влияние латинского как языка оригинала на разных языковых уровнях (лексическом, сло-

вообразовательном, грамматическом); в-пятых, решить вопрос о предполагаемой зависимости степени воздействия латинского языка от жанровой принадлежности памятника; в-шестых, изучить явление греко-латинской интерференции в языковом сознании книжников и типологизировать конкретные проявления этой интерференции; в-седьмых, уточнить место польского языка как основного языка-посредника между русским и латинским языками и определить роль „простой мовы” в латинско-русских языковых отношениях; наконец, охарактеризовать исследуемый период с точки зрения формирования научно-го аппарата и доли латинского влияния в нем.

Такое комплексное исследование в целом восполнило бы данные исторической русистики в сфере проблемы латино-славянских, латино-русских языковых отношений.

На сегодняшний день изучение роли и места латинского языка в истории русского языка ограничивается в основном проблемами латинских заимствований в русском языке и ботанической и медицинской номенклатуры и терминологии, также неплохо исследован в этом отношении период XVIII–XIX вв. Вместе с тем место и роль латинского языка в развитии русского литературного языка позднего Средневековья менее всего исследованы систематически и без какой-либо перспективы на дальнейшие судьбы взаимоотношений русского языка и латыни. Кроме того, имеющиеся спорадические исследования переводной литературы, концентрируясь на общих вопросах перевода, часто не учитывают специфики языка-источника и особенностей его восприятия на русской почве (через языковую призму греческого, через культурное посредство польского).

Общеизвестно, что иноязыковое влияние осуществляется устным и письменным путем: устным – через межкультурную коммуникацию носителей языков, письменным – через тексты. Особенность устного пути проникновения латинского влияния на русский язык в том, что ко времени осуществления этого влияния собственно носителей латинского языка как родного не существовало. Латынь функционировала как язык европейской науки по XVIII век включительно и имела такие прочные позиции, что многие ученые не мыслили в этой роли никакого другого языка. Известно, что Г.В. Лейбниц, например, в период усиления роли немецкого языка и осознания необходимости его нормирования и унификации вполне скептически относился к идее, что его родной язык сможет когда-нибудь стать языком науки. М.В. Ломоносов также писал основные естественнонаучные труды на латинском языке, и на этом же языке вел переписку с европейскими коллегами. Но это была латынь уже во многом искусственная, и влияние ее ограничивалось письменной коммуникацией в определенной сфере

человеческой деятельности. Еще одной сферой, где был значим латинский язык, была сфера религиозная: латынь функционировала также как официальный язык католической церкви. Именно этот факт обусловил весомое проникновение латинских заимствований в западно-европейские языки – многие из этих заимствований затем перенял русский язык, и часто именно устным путем, но в этом случае можно говорить лишь об опосредованном влиянии латинского на русский.

В свете всего сказанного латинское влияние на русский язык можно определить прежде всего как влияние текстов. Это влияние было, по всей видимости, не столь заметное, как при устной коммуникации, но проходило оно на всех языковых уровнях. В связи с этим важно отметить круг текстов, на материале которых можно максимально объективно проводить исследование этого влияния в лексико-семантическом, словообразовательном и грамматическом аспектах с целью выявления в этих текстах „латинского элемента“, определяющего меру, образ и степень влияния языка-источника на целевой язык перевода, а также взаимодействия этого элемента с другими языковыми стихиями, характеризующими языковое сознание восточнославянских книжников той эпохи, – прежде всего греческой и польской.

Особое место при этом необходимо отвести изучению лингвистических взглядов того периода, отраженного в грамматиках и частично в словарях, языковой рефлексии в XVI–XVII вв. на основании сравнения нескольких грамматических трудов и исследования лексикографии того времени.

Было бы целесообразно провести сравнительное исследование *Донатуса* в переводе Дмитрия Герасимова, грамматик Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого – трудов, основанных на латинских грамматических сочинениях, но сохраняющих и следы греческого влияния. При их сравнительном изучении можно будет проанализировать степень адаптации этих руководств к реальному состоянию языка, соответствие реальности отображений языковых явлений в иллюстративном материале, латинский и греческий компоненты, соотношение народно-разговорного и церковнославянского элементов и их отношение к латинским и греческим компонентам. Для лучшего понимания некоторых аспектов общей проблемы целесообразно было бы привлечь к анализу также грамматическое руководство Ивана Ужевича, составленное на латинском языке.

Исследование лексикографических трудов предполагает прежде всего обращение к деятельности грекофилов и их последователей – Епифания Славинецкого, Арсения Корецкого-Сатановского, Федора Поликарпова. Ими в Москве в середине XVII века создавались лексиконы в силу необходимости изучения языка европейской науки

и религии, каковым в то время являлась латынь. Это *Лексикон латинский*, созданный Епифанием Славинецким на основе латинского словаря А. Калепино – выдающегося итальянского лексикографа эпохи Возрождения, *Лексикон славяно-латинский* А. Корецкого-Сатановского (при участии Славинецкого), *Лексикон треязычный* Федора Поликарпова. В переводной части лексиконов активно используются такие слова, каких в традиционном церковнославянском языке не было, что связано с проникновением в церковнославянский язык в XVI–XVII столетиях элементов живого украинского, русского и белорусского языков. Из живого народного языка в церковнославянский проникали также и позднейшие (часто опосредованные) заимствования из древнегреческого, латинского и других языков, не только в лексику и фразеологию, но и в фонетику, морфологию, синтаксис. Все эти межъязыковые интерференции и интерполяции должны стать предметом изучения в аспекте определения места латинского языка в творческой мастерской грекофилов как лексикографов. К анализу следует привлечь также *Лексикон славеноросский* Памвы Берынды для определения традиции и более точного ограничения элементов „простой мовы“ в словарях грекофилов.

Далее необходимо заняться изучением в аспекте поставленной проблемы переводными памятниками разной жанровой принадлежности. Можно очертить предварительный круг этих памятников: *Геннадиевская Библия* 1499 г., *Толковая Псалтырь* в переводе Максима Грека, некоторые переводы князя А.М. Курбского и его кружка (*Источник знания* Иоанна Дамаскина, *Новый Маргарит*, жития), *Назиратель*, *Великое Зерцало* и некоторые др. Выбор памятников определяется как их жанровыми особенностями и авторитетом, так и особенностями создания. Известно, например, что при переводе *Толковой Псалтыри* Максимом Греком или *Источника знания* Дамаскина князьями Курбским и Оболенским был активен и греческий язык (Максим Грек в начале своей деятельности в Московии не знал церковнославянского языка и переводил с греческого на латинский, а местные переводчики перелагали далее на церковнославянский; Курбский и Оболенский пользовались и греческим текстом, хотя основой их труда был латинский перевод Дамаскина). В создании *Назирателя* и *Великого Зерцала* определяющим является посредство польского языка. Таким образом, латинский язык в этих памятниках проявляет себя также на широком языковом фоне, типичном для той эпохи, что важно для нашего изучения. Кроме того, поскольку текст-жанровое единство определяет в то время стиль, то одним из вопросов, какой предстоит решить, является проблема степени влияния и отражения латинского элемента в различных стилистических реализациях литературного языка в зависимо-

сти от жанра (в церковнославянских памятниках, в памятниках смешанного стиля).

В целом, в результате такого исследования должна быть восстановлена картина латинско-славянских и латинско-русских языковых отношений – в рассматриваемый период и с учетом ретроспективы и перспективы развития этих отношений в последующие эпохи.

Здесь мы представим небольшой фрагмент исследования, посвященный лексико-семантическому аспекту латино-русских отношений в церковнославянских переводах на материале *Богословия* Иоанна Дамаскина. Весьма показательным является пример перевода этого произведения в так называемом кружке А.М. Курбского, образовавшемся вокруг опального князя в эмиграции. После того как в 1564 году он, скрываясь от надвигающейся опалы царя Ивана Грозного, бежит в Литву, одним из направлений его деятельности стала забота о развитии славянской и русской культуры и самосознания, особенно же защита православия в тех землях от агрессии Запада. Главным своим оружием в этой борьбе он избрал книжное просвещение, а именно перевод главнейших святоотеческих вероучительных и философских произведений. За дело Курбский взялся настолько серьезно, что для осуществления своей цели, будучи уже в возрасте, сам „засел за латынь”¹ и принялся серьезно изучать другие гуманитарные науки. Постепенно вокруг него образовался кружок ученых единомышленников, их общими усилиями было организовано нечто вроде скриптории. Приблизительно за 15 лет его существования был осуществлен перевод внушительного количества текстов: два отрывка из *Парадоксов* Цицерона, *Источник знания* Дамаскина, *Повесть о Варлааме и Иоасафе*, *Диалог патриарха* Геннадия Схолария, а также многочисленные творения Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Симеона Метафраста, Дионисия Ареопагита, кроме того, отрывки из хроник Никифора Каллиста Ксанфопула и Евсевия Кесарийского и другие произведения². В 1575–1579 годах Курбский вместе со своим помощником князем Михаилом Оболенским перевел *Точное изложение православной веры*, более известное под сокращенным названием *Богословие*, часть монументального труда прп. Иоанна Дамаскина *Источник знания*.

В своем предисловии к этому и к другим переводам автор говорит о некоторых принципах и целях своей деятельности. Они обусловлены особым взглядом Курбского на пути дальнейшего развития православ-

¹ В.В. К а л у г и н, *Московские книжники в Великом княжестве Литовском во второй половине XVI века*, [электронный ресурс:] http://krotov.info/libr_min/11_k/kal/ugin_2.html (10.08.2012).

² А.И. Ф и л ю ш к и н, *Андрей Курбский*, Москва 2008, с. 76.

ной книжной культуры. Он удивительным образом, намного опередив свое время, сочетал в себе верность „праотеческому правоверию“, доходящую до резкого неприятия других конфессий, с открытостью западному просвещению и науке, как античной, так и современной ему. Это было неприемлемо для абсолютного большинства поборников православия того времени, разделенных на два противостоящих лагеря: закоренелых консерваторов и чрезмерных либералов.

Таким образом, „восточно- и западноевропейские пути развития перекрестились в литературной позиции Курбского“³. При этом обращение Курбского к латинской культуре ни в коей мере не означало отказа от традиционных церковнославянских ценностей. В соответствии с такими убеждениями Курбский и вел свою переводческую деятельность. Взяв за основу имевшиеся 48 глав Иоанна Экзарха, он исправил их и дополнил оставшуюся часть. В *Предисловии*⁴ он сообщает, что для этой цели приобрел книгу, *грецки по единой странѣ писанью, а на другон странѣ поримьски*. При этом он более опирался на латинский текст *Богословия*, так как латинским языком он владел лучше. Влияние латыни в его переводе легко заметить уже при беглом знакомстве с текстом памятника. Стремясь к чистоте церковнославянского языка, князья-переводчики не могли не испытать на себе влияние той языковой среды, в какой они работали над своим переводом. Кроме других своих свойств, эта языковая среда находилась под несомненным влиянием латинского языка, что сказалось и на новом переложении *Богословия*.

Надо сказать, что одной из существенных черт данного перевода – в том виде, в котором он дошел до нас в рукописях, – является интенсивное глоссирование. По всей видимости, Курбский и его единомышленники в поисках идеального церковнославянского языка экспериментировали с различными вариантами эквивалентов латинским (реже – греческим) лексическим единицам, употребляя их в своего рода сопоставлении в формате „основной текст – маргиналии“. При этом о лексической нестабильности свидетельствует и факт употребления одних и тех же слов как в основном тексте, так и на полях, и факт подбора одному и тому же слову в основном тексте разных глосс.

Так, в тексте перевода соседствуют славянское *воздохъ* и заимствованное *аѣръ* (как варианты в разных рукописях и в качестве глосс [4об; 22,

³ В.В. К а л у г и н, указ. соч.

⁴ Здесь и далее текст славянского *Богословия* в переводе Курбского (включая предисловие) цитируется по изданию: J. B e s t e r s - D i l g e r (Hrsg.), *Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583)*, Freiburg i. Br. 1995. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes, Tom XXXV).

36об]), фортуне : слоучаа (и наряду с этим не слоучаа : а не фортоуны, або каз' [5]); аргументованіа : доводу (а также аргоументы наоукъ : свидѣтельства поученіи [36; 50]); декретом : оусужденіемъ (и наряду с этим оусужденіемъ або оуложеніемъ и оуложеніа або постановленіа [52; 53; 54об]); с стіхін : со елементовъ [5, а также похожие случаи 31, 38, 45], птүтгоу : флакгоу [35], окроуженіе : зразъ або формоу [92]; тропу^с : тропу^с наричѣа фигура або образецъ [105об]; лінією : чертою [120об]; в продолжении рукописи, в тексте перевода *Догматики* Иоанна Дамаскина встречаются следующие пары⁵: олива : маслица [182]; императорех : повелителех [237]; іструментум : орудіемъ, або органом [301]; матеріа : вещь [302, 307]; проповеданіе : по латіне предикамента [305]; верхъ : сүперфіціем [314]; конклюдію : замкненіе [329об, 331об, 341]; на гекономікум, на полтүкумъ : на домоустроительное, на гражданское үстроеніе [335]; медіумъ : посредство [335об]; образца : фїгоуры [339об.] и др., в том числе опосредованные латинизмы типа маестатү : величества [23об]; крїнъ : рожа [40об] (которые, скорее, можно отнести уже к полонизмам) или латинизированные грецизмы типа кроника : летописнаа [7об], колера : жолтаа кроучїна [45] и др.

На некоторых из этих примеров можно наглядно проследить семантические процессы, затрагивающие эти слова. Так, Курбский слово *casus* переводит в других местах также как **беда**, **падение**, а *fortuna* – как **цастье**, то есть *casus* для него, прежде всего, несчастный случай, а *fortuna* – удача. Ср. в современном русском языке: *казус* – ‘сложное, запутанное дело в судебной практике; необыкновенное, удивительное происшествие; частный случай той или иной болезни’, *фортуна* – ‘судьба, случай, счастье’⁶. Общий их эквивалент – **слоучан** – оказывается наиболее нейтральным и обладает свойством гиперонима. Косвенным подтверждением тому является еще один случай глоссирования, когда к слову **слоучан** на поля выносятся явный полонизм **припадок** [80об], отличающийся, однако, также стилистической нейтральностью.

На примере глосс к слову **декрет** можно наблюдать за процессом уточнения значения нового заимствования, которое Курбский вводит в свой текст.

Псевдословообразовательные синонимы **аргументованіа** и **аргументы** (псевдо- – поскольку в русском языке не было глагола **аргументовать*,

⁵ Из выборки глосс А.С. Архангельского – см. в приложении к: А.С. А р х а н - г е л ь с к и й, *Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI – первой половины XVII века: историко-литературные очерки*, „Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских” 1888, кн. 1.

⁶ Д.Н. У ш а к о в, *Толковый словарь*, [электронный ресурс:] <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (10.08.2012).

а слово *аргумент* – как заимствованное – является непроизводным) демонстрируют поиск словообразовательной формы. И т.д. и т.п.

В тексте перевода (в том числе и комментариях, „сказах“, переводчиков к нему) встречаются и неглоссированные новые заимствования из латинского языка или латинизированные грецизмы (имеющие формальный латинский показатель и латинскую, эразмовскую, огласовку), и даже варваризмы: *кондирмативъ* [6], *гомониумъ*^м [12], *еквивокъ*^м [12], *центро/центриъ*^м [37об.], *комора* [32], *меланколіа* [45], *прівілен* [104], *тропус*, *фигура* [105об], *релативъ*^м, *ад аликвидъ* [107] и др.

Показательно, что большинство из вышеперечисленных слов, употребленных Курбским, кроме явных варваризмов типа *ад аликвидъ*, вошло, с той или иной степенью адаптации, в лексический состав русского языка и активно там до сих пор, участвуя в образовании целого ряда новых слов. В то же время если попытаться найти их в *Лексиконе тринаязычном* Федора Поликарпова, созданном более века спустя после эпохи Курбского и подводящем своего рода итоги столетних инновационных тенденций в сфере лексики русского языка, то обнаружатся там только слова *аеръ*, *камара* (ср. *комора*, *camera*), *кентръ* (ср. *центро*, *centrum*), *привлэгій* (*привилій*), *рожа*, *форма* и *фортоуна* („зри *счастіе*“, – отмечает Поликарпов!). Поскольку известно, что переводы кружка князя Курбского не получили распространения в Московской Руси и долгое время оставались неизвестными книжной публике, можно заключить, что князь и его единомышленники, обладая великолепной языковой интуицией, выбирали те латинские слова, которые восполняли какие-то семантические лакуны в русском, были ему необходимы, что впоследствии подтвердило развитие лексической системы русского языка.

Самое, однако, незаметное и трудно диагностируемое иноязычное влияние проходит в области лексической семантики. Оно, конечно, достаточно явно при семантическом калькировании, но это процесс в истории языка нечастый, поскольку требует обычно сильного культурно-исторического толчка извне. На более длительных по времени отрезках языкового развития это влияние может затрагивать лишь какие-то сегменты лексического значения слова, что отражается на его сочетаемости и особенностях употребления, – но обнаружить этот процесс довольно сложно. На материале того же перевода продемонстрируем пример такого воздействия. Иллюстрацией послужит слово *вещь*.

Сейчас слово *вещь* часто имеет, по определению В.В. Виноградова, „неопределенно-конкретное значение“. Как пишет ученый, „слово *вещь* может служить прекрасной иллюстрацией процесса развития «местоименных» значений в категории имен существительных. Это слово

совместило в себе исконные русские и церковнославянские значения со значениями немецкого *Ding* (ср. *вещь в себе*) и французского *chose*. На почве влияния французского языка и распространилось неопределенно-местоименное значение этого слова (*quelque chose*)⁷. На наш взгляд, „неопределенно-местоименное“ значение у этого слова стало формироваться ранее того периода, когда французский язык получил какое-то влияние на язык русский.

Изначально в русский язык слово пришло в своем старославянском облики и наряду с сохранившимся значением могло обозначать дело, тяжбу, проступок, природу, естество, ипостась, стихию, сущность⁸. На семантический объем славянского слова, несомненно, оказали влияние переводные памятники, где это слово являлось соответствием определенным греческим лексемам: слово *вещь* вобрало в себя семантические характеристики греческих эквивалентов ὕλη, στοιχεῖον, πρᾶγμα, то есть *вещь* – это материя во всех ее проявлениях: от первозданной материи (стихии) до материала, из которого изготовлено нечто; от свойства материи физического тела до отличительного свойства лица. Такова пред- история слова.

Но ко времени переводческой деятельности кружка Курбского произошли неизбежно какие-то изменения и в семантике, и в прагматике слова. Если посмотреть на употребление слова *вещь* в тех главах, которые Курбский перевел впервые, ориентируясь, как мы уже говорили, более на латинский текст, то обнаружится, что это слово передает ряд понятий, в богословии вообще четко дифференцированных. Здесь, несомненно, сказывается, влияние латинского языка с его словом *res*, настолько неконкретного в своей семантике, что оно могло употребляться даже в случаях взаимоисключающих, когда в греческом употреблении одного и того же слова было бы невозможно. Например: **Иво не сложен'на есть вещь бжства** (лат. *res deitas*, греч. θεότης [21об]). Употребление этого слова в данном контексте кажется совершенно выходящим за рамки общих представлений о вещи в *Богословии*, оно свидетельствует о семантических изменениях в славянском слове в сторону неопределенности, нечеткости его значения. Возникает явное противоречие: вещь противопоставлена божественности. Но при этом становится возможным сочетание *вещь божества*.

Еще одной приметой перевода становится употребление этого слова без опоры на латинский текст. Например: **и невозможна вещь (impossibile) есть тому в нетлвннн пребвти [43об]; таже соутъ вырозочменнн**

⁷ В.В. Виноградов, *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, Москва 1986, с. 325.

⁸ И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. 1, Санкт-Петербург 1893–1912, с. 252–254.

разумных вещей (intellectionis intellectualium) [49об]; если то изысканіе есть техъ вещей (eorum) гаж в нашей власти положены соуть, бывает совѣтованіем [53]; телесне разсуждающе преестественные вещи (immaterialia) [75a] и подобные случаи.

В большинстве случаев здесь конкретизируется качество или состояние (прилагательное, по А.А. Потебне, всегда конкретнее субстантивата⁹), но конкретизация не касается самой субстанции, которая не определена, несущественна, всеобща, поэтому она получает наименование *вещь*. И происходит это не без влияния латинского *res*, употребляемого в схожих случаях. Ср.: греч. αἰτίου τῶν πάντων – лат. *de rerum omnia causa* (кн. 1, гл. 12), греч. ἐκ τῶν τιμιωτέρων καὶ πλησιαζόντων αὐτῷ οἰκειότερως ὀνομασθήσεται – лат. *proprie ex praestantioribus, et sibi rebus propinquioribus nominabitur* (кн. 1, гл. 12), греч. ἐν τοῖς μεριστοῖς – лат. *in rebus partibilibus* (кн.1, гл. 14), греч. τούτων – лат. *harum rerum* (кн. 2, гл. 10), греч. διαφερόντων – лат. *rerum differentium* (кн. 3, гл. 15) и многие подобные другие случаи.

Таким образом, раньше, чем французский язык распространил свое влияние в России, слово *вещь* под латинским влиянием стало детерминологизироваться и распредмечиваться в своем значении, выражая некую общую неопределенность.

Изучение влияния латинского языка в лексико-семантической сфере русского литературного языка в его историческом развитии находится только еще в самом начале и готовит своим исследователям еще много удивительных открытий.

⁹ А.А. П о т е б н я, *Из записок по русской грамматике*, т. 3, Москва 1968, с. 17–18.

